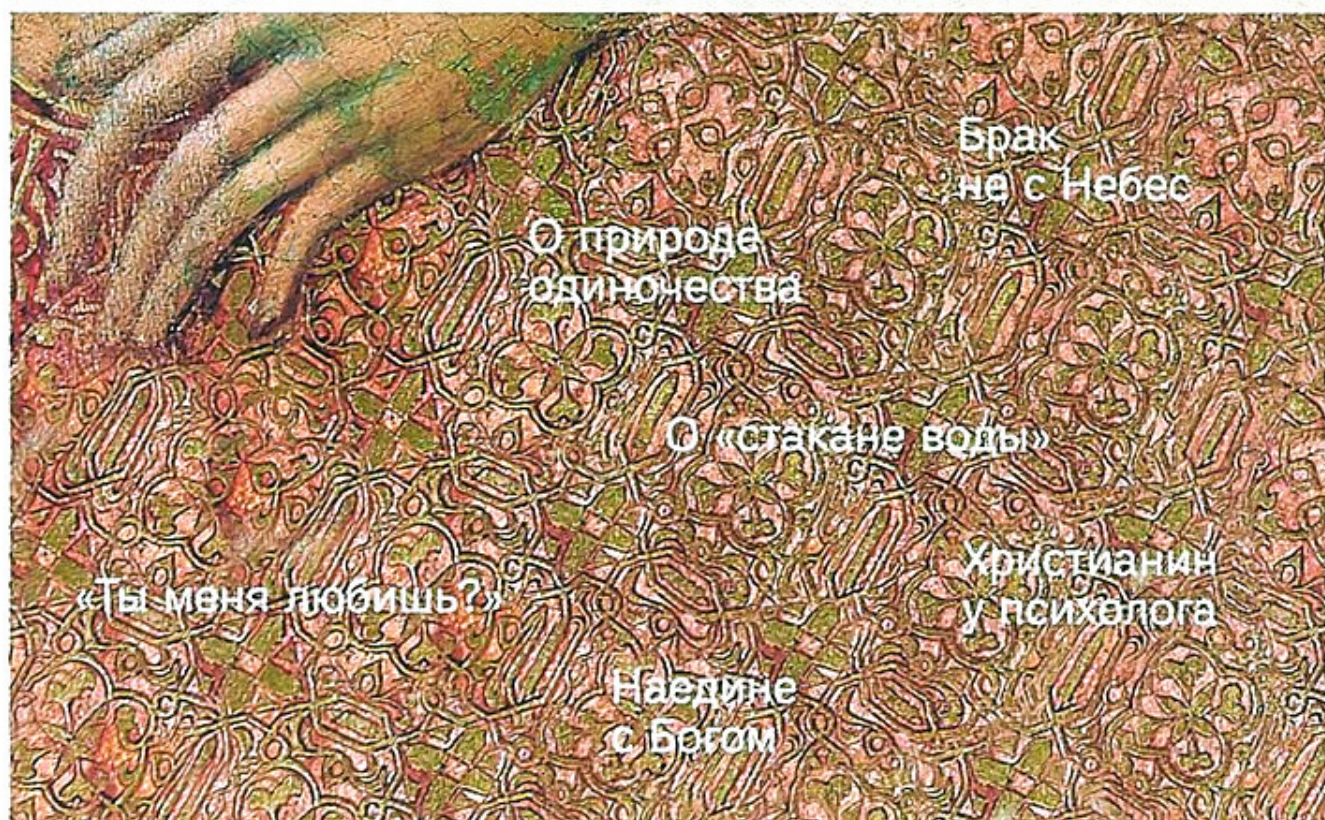

Игумен Нектарий (Морозов)

ОДИНОЧЕСТВО

Пути преодоления:
в Церкви, семье и обществе

Открывая Православие

игумен Нектарий Морозов

**Одиночество. Пути преодоления:
в Церкви, семье и обществе**

«Никея»

2018

УДК 242
ББК 86.372

Морозов и.

Одиночество. Пути преодоления: в Церкви, семье и обществе /
и. Морозов — «Никея», 2018 — (Открывая Православие)

ISBN 978-5-91761-853-1

Уникальность человеческой личности является естественной причиной одиночества. Но часто человек ощущает духовную пустоту и отторженность в семье, в обществе и даже в Церкви. Известный православный писатель и публицист игумен Нектарий (Морозов) рассматривает проблему одиночества с разных сторон, иллюстрируя свой рассказ множеством реальных историй. Эта книга поможет человеку перестать винить в своих проблемах жизненные обстоятельства и найти в самом себе точку равновесия. Принятие важности других людей в нашей жизни и единение с ними и есть, по мнению автора, единственный способ приближения к Богу.

УДК 242
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-853-1

© Морозов и., 2018
© Никея, 2018

Содержание

С чего начинается одиночество?	6
Одиночество природное и социальное	6
Жизненные обстоятельства?	7
«Мне люди, в сущности, не нужны»	9
Дать человеку то, что он хочет	11
«А я хотел, чтобы они со мной играли...»	13
Одиночество в семье	15
Брак не с Небес	15
Перерасти себя – перерасти боль	17
Не по инструкциям	19
О глубине и скуке	21
«Ты меня любишь?»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Игумен Нектарий Морозов
Одиночество. Пути преодоления:
в Церкви, семье и обществе

*Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-804-0116*

С чего начинается одиночество?

Одиночество природное и социальное

Чувство одиночества для человека в его состоянии после грехопадения совершенно естественно. А связано оно, как ни странно, с одним из самых лучших, самых замечательных человеческих качеств – с уникальностью человеческой личности. При всей нашей схожести и подобии друг другу каждый из нас неповторим, и нет в целом мире второго такого же человека, который понимал и принимал бы нас решительно во всем – в любой момент нашей жизни, во всех наших переживаниях, в глубине нашего страдания или же, наоборот, в полноте нашей радости. Понимание и принятие нас другим человеком всегда ограничено – с этого, пожалуй, и стоит начать разговор об одиночестве.

Очень важно различать то одиночество, которое для человека «природно», естественно и которое имеет благой исход, если человек обращается к Богу, и одиночество социальное, когда человек не просто где-то в глубинах своего бытия чувствует себя одиноким, а когда он в этой жизни реально один. Такие люди – не отшельники, не затворники, но живут они словно в каком-то вакууме, потому что у них ни с кем не устраиваются взаимоотношения. Не то что какого-то глубокого понимания – вообще никакого понимания нет. При этом человек может иметь и семью, и родственников, и даже постоянно находиться среди людей, но никакой близости, единства с другими людьми он не чувствует.

Для нашего времени это практически обыденность: люди могут работать в одном кабинете, жить в одной квартире и даже спать в одной спальне – и быть при этом друг другу совершенно чужими. Позволю себе утверждать, что единственная причина этого – заикленность человека на себе самом (что, впрочем, нередко усугубляется такой же заикленностью и эгоизмом окружающих). Других причин нет. Мне как священнику доводится общаться с самыми разными людьми, и могу сказать, что для человека, обращенного на других людей, открытого другим людям, нет никаких препятствий к тому, чтобы дружить, любить, быть частью какой-то общности: ни бедность, ни неуспешность в жизни, ни инвалидность, ни что-либо иное не помеха. Мы видим, как даже люди бездомные, встречаясь, бывают по-настоящему рады увидеться, как они оказываются способными на взаимовыручку, так что порой даже они от одиночества социального не страдают. Мы видим людей, которые приходят в храм, пережив тяжелейшее горе или страдая от опасного заболевания, и они тоже с кем-то дружат – и радуются, и смеются, и утешаются. Итак, причина социального одиночества всегда заключена в самом человеке.

Такое одиночество, происходящее от отсутствия сердечных и глубоких отношений с людьми, богоугодным никак не назовешь. Ведь даже в подвиге аскетическом, когда человек удаляется в пустыню ради молитвы и пребывания с Богом, святые отцы советовали всегда себя испытывать. Почему ты бежишь от людей? Ты их не любишь? Такое бегство незаконно. Они тебя искушают, и ты хочешь избавиться от поводов ко греху? И в этом случае бежать нельзя, потому что твои страсти от этого не исчезнут, а только глубже спрячутся в тебе. Уходить от мира и каких бы то ни было взаимоотношений в нем может только тот, кто любит людей, но чувствует, что его жизнь уже должен наполнять только один Господь. Пока человек не достиг этой очень высокой меры, он должен учиться жить с себе подобными. И тот, чье одиночество имеет в своей основе неприятие других людей, не избавится от него, пока не осознает, что это состояние по сути своей греховно, носит патологический характер, а в конце концов и губительно.

Жизненные обстоятельства?

Но очень часто люди искренне убеждены, что они одиноки исключительно из-за сложившихся обстоятельств, то есть причина – не в них самих. Какие же обстоятельства обычно называют и что можно сказать в ответ?

Как-то один неглупый человек задал мне прямо удивительный вопрос: «Меня, человека с высшим образованием, с определенными интеллектуальными потребностями, жизнь на долгие годы забросила в глубинку, в социальные низы. И конечно, я был там одинок, выброшен из жизни и общения. А что, нужно было с местными торговками общий язык находить?»

Прежде всего, я бы вообще не стал делить людей таким образом: «верхи», «середняки», «низы»... Среди тех, кого этот человек называет «низами», и в «глубинке», и даже в самых настоящих трущобах можно встретить самых разных людей: и интеллектуально развитых, и развитых душевно, а порою и духовно. И можно хотя бы попытаться найти тех, с кем возникнет взаимопонимание и с кем в конечном итоге можно сойтись, подружиться. А если найти общий язык не удастся решительно ни с кем, проблему стоит искать в первую очередь в себе самом. Да, бывает, что человек опускается в несвойственную ему среду; чаще всего – пережив какое-то потрясение: потерю работы, крах карьеры, ухудшение здоровья, уход близкого человека. Но причина-то не в том, что человек потерял, и не в том, где он в результате оказался, а в том, каким он после этого стал. Замкнувшимся, ожесточившимся, сломленным, разочарованным... Потому-то он и одинок.

Конечно, нельзя утверждать, что среда не играет во взаимоотношениях людей вообще никакой роли. Но эта роль сводится лишь к тому, что она, среда, на человека как-то воздействует. А вот поддаваться ее воздействию или не поддаваться, человек выбирает сам. Люди и в концлагерях дружили и любили, а на войне и жизнь друг за друга отдают. Нет такой среды, которая исключала бы возможность дружбы. Здесь вспоминается замечательная книга «Неугасимая лампада» Бориса Ширяева – рассказы о заключенных на Соловках. Любого из них могли застрелить просто так, развлечения ради; они голодали, болели, каждый день смотрели в лицо смерти. И с каким же удивительным чувством читаешь, как они, несмотря ни на что, вместе праздновали Рождество и Пасху, ставили спектакли, радовались, учились. А ведь это абсолютно разные люди: по возрасту, социальному положению в прошлом, по культурному уровню, по вере. Но они находили то, что их объединяло, потому что без этого человеку трудно остаться человеком.

А в то же время людям вполне успешным, обеспеченным, добившимся высокого статуса обычно труднее дружить, чем кому бы то ни было. На своем пути к успеху они то и дело видят, что «Боливар не вынесет двоих»: либо ты кого-то с этого «Боливара» скинешь, либо, без малейших сомнений, скинут тебя. И это постепенно убивает в человеке способность любить, жертвовать, открываться, радоваться чужой радости. Бывают исключения, но именно среди солидных, известных, состоявшихся людей мне больше всего встречалось одиноких и несчастных. Они легко готовы допустить, что человек, с которым вроде бы и завязались дружеские отношения и которому, может быть, хочется открыться, назавтра сделает какую-то подлость. Вот почему люди, которые вскарабкались на высокие ступени социальной лестницы, очень дорожат теми, кого знали еще в юности, в детстве.

Такая связь, если она есть, бывает очень трогательной и крепкой, но это большая редкость, потому что человек на пути к успеху чаще всего умудряется растерять людей, которые его когда-то любили. И даже потенциального супруга в подобных кругах подчас проверяют, нанимая частного детектива, чтобы выяснить его настоящее отношение к себе.

Более того: такой человек иногда готов обратиться к Богу, но уже и Ему не может поверить до конца. Слишком подобен он евангельскому богачу, который не отступает от своего,

даже когда слышит: *безумный! в сию же ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12: 20). Бывает даже, когда человек, понимая сердцем, что Бог есть, намеренно не открывает Евангелие и не читает его. Он понимает, что когда он это прочтет, то уже не сможет оправдываться незнанием. И человек предпочитает «спрятаться» от Бога или, может быть, время от времени «на всякий случай» помогать Церкви, но Евангелие положить на самую дальнюю полку. И конечно, такой человек будет тотально одинок – и духовно, и душевно.

Еще одна проблема, которая также часто заставляет людей чувствовать свое одиночество, – это безуспешный поиск спутника жизни. Общаясь с такими людьми, как-то вникая в их жизнь, раз за разом слышишь жалобы, что у них ни с кем не возникает отношений, ведущих к браку, что они к кому-то делают шаги, а от них отстраняются. И тут невольно замечаешь одну закономерность. Ты встречаешь такого человека, видишь его глаза, и в них сразу читается все – и сама неустроенность его личной жизни, и то, что вокруг нее вращаются все его переживания, помышления и поступки. Он не может просто поговорить с понравившимся человеком, не рассматривая его как потенциального жениха или невесту. Он входит в комнату – и у него на лбу крупно написано: «хочу замуж» или «хочу жениться». И понятно, что люди, видя такую надпись, от него бегут. Ведь одно дело, когда человек хочет любить и быть любимым, но при этом у него есть и некая своя жизнь, и другое дело – когда это его желание носит маниакальный характер, когда возникает ощущение, что человек хочет тебя использовать. Он не чувствует самого тебя – он хочет достичь своей цели через тебя. И бывает очень сложно объяснить ему (чаще все-таки ей), что ни к чему здесь эта болезненность, этот надрыв, что если в таком состоянии жить, то вообще все вокруг разбегутся.

И это не только устроения личной жизни касается. Просто приходит человек, ты на него смотришь, а у него на том же самом лбу начертано: «Проблема». А то и вовсе: «Я ваша проблема». Практически наверняка он скажет, что одинок, ни в ком не находит взаимности, сочувствия, понимания. И начинаешь ему объяснять: «Научитесь не быть для людей проблемой, попробуйте заниматься своими проблемами сами – и обстоятельства начнут меняться». А человек на это: «Так, значит, и здесь, в Церкви, никому ни до кого нет дела? Значит, нету любви в этом мире?! Какие же вы христиане?»

Однажды я высказал нечто подобное одной интеллигентной женщине. Она меня спрашивает в ответ:

– Вы священник?

– Да.

– Христианин?

– Да.

– А ваша паства, прихожане, они тоже христиане?

– Да.

– Так вот, в Библии сказано, что нужно носить тяготы друг друга. Вы почему мои тяготы не принимаете?

– Подождите, – говорю, – но ведь это сказано каждому из нас, это взаимно, а вовсе не карт-бланш вам одной, чтобы прийти со своими тяготами и заставить их носить.

– Нет, – возражает она, – если вы не несете мои тяготы, то вы не христиане.

И эта логика непробиваема. Конечно, такой человек будет одинок, но совет тут только один: ни в коем случае не следует убеждать себя в том, что таковы обстоятельства или люди. Что-то исправить и изменить в своей жизни может только тот, кто видит причины в себе. И как правило, когда мы сами начинаем меняться, наши отношения с окружающими сдвигаются с мертвой точки.

«Мне люди, в сущности, не нужны»

До сих пор, говоря о социальном одиночестве, мы имели в виду, что человек от него страдает. Но бывает и иначе. Есть, например, у меня знакомый – верующий, начитанный, живущий христианской жизнью, убежденный, что ничем иным по-настоящему и не следует жить. Но я давно замечал, что его общение с людьми не складывается: между ним и окружающими словно пролегает полоса отчуждения. И я его спросил: «Может быть, вы сами как-то не очень стремитесь к людям, чуждаетесь их, и от этого ваша беда?» А он мне говорит: «Да, мне люди, в сущности, не нужны».

Для верующего человека это фраза, на мой взгляд, страшная. Если христианин говорит, что люди ему не нужны, у меня в голове не укладывается: а как он вообще в принципе понимает христианство? Как он понимает молитву «Отче наш»? Как понимает слова первосвященнической молитвы Христа: *да будут все едино*? Что он думает об отношении Бога к человеку? Ведь все, касающееся в этой жизни нас, касается и Бога – начиная с того, что Он поддерживает нас в состоянии бытия, и кончая совершенными мелочами житейскими. Более того, Господь приходит на землю и проживает здесь, на земле, человеческую жизнь, и опять-таки вся эта жизнь посвящена людям. О чем это говорит? О том, что для Бога человек бесконечно важен. О том, что для Бога человек – хотя это и немного странно прозвучит – интересен. Интересен, несмотря на то, что Он о человеке абсолютно все знает. Так как же тогда люди могут быть не нужны и не интересны нам?

Когда человеку другие люди важны, когда он интересуется ими и понимает, что ничего важнее и интереснее человека нет, он оказывается в этом подобным Богу и оказывается рядом с Богом, чувствует Его близость. И наоборот: чем ближе человек к Богу, чем сильнее стремится к Нему, чем дальше продвинулся на пути христианского совершенства, тем ближе, дороже, любимее становятся для него люди, тем глубже ощущает он свою связь с ними. Об этом говорили и писали многие святые отцы. У преподобного аввы Дорофея есть даже такая схема: Господь – в центре круга, и от этого центра к людям расходятся радиусы, как лучи. Чем ближе каждый из нас к центру, тем меньше и то расстояние, та внутренняя дистанция, которая нас с другими людьми разделяет. Это норма христианской жизни, и если происходит как-то иначе, если мы становимся вроде бы более усердными христианами, но расстояние между нами и окружающими при этом растет, значит, что-то идет не так в нашей внутренней жизни.

И по-другому можно посмотреть: если наши отношения с людьми нас отдалают от Бога, значит, мы опять же как-то не так себя ведем, и перспектива этих отношений – распад. Если же отношение к какому-то человеку в нас вызывает движение к Богу, то мы идем по пути созидания, и эта взаимосвязь от каких-то внешних причин не разрушится.

Да и вообще неверно, что «люди не нужны»! Абсолютно самодостаточен только Господь, и Ему одному люди нужны только в силу Его любви. А у человека, которому якобы никто не нужен, практически все, чем он пользуется в жизни, является результатом труда других людей. То есть люди на самом деле и такому человеку нужны, но он сводит эту нужность до чисто потребительской.

Чувствовать что-то, откликаться на что-то – потребность человека, заложенная в его природе, и вся наша жизнь – стремление эту потребность реализовать. Думаю, здесь уместно сравнение с физическим устройством человека: когда в его организме есть какая-то патология, он, организм, концентрирует все силы, чтобы с ней справиться. Отсутствие потребности в других людях – серьезнейшая патология душевного, духовного характера. И если человек эту мысль глубоко усвоит, то его ум, сердце, воля тоже мобилизуются, и он начнет преодолевать свое состояние.

Бывает и несколько иначе: человек говорит, что любит своих близких – одного или нескольких человек, а больше ни в ком не нуждается. Однако то, что человек называет в подобных случаях любовью, обычно не является любовью как таковой. Дело в том, что любовь – это не чувство, как многие считают, а качество человека, или, если говорить языком христианства, добродетель. Если человек смелый, он будет смелым в любой ситуации, смиренный – в самых разных обстоятельствах и с разными людьми будет смиренным, а любящий, соответственно, любящим. Когда же к узкому кругу людей – любовь, а к остальным – неприязнь или безразличие, это скорее некая зависимость, эгоистическая потребность.

Для нас, христиан, очень важно, обращаясь к Богу, говорить не только «я», но и «мы». Старец Паисий Святогорец, когда его спрашивали, как молиться Иисусовой молитвой, советовал часть дня молиться словами «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», а какое-то время – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных», чтобы не забывать о других людях и о том, что они также нуждаются в милости Божией. А когда мы молимся о ком-то – например, «Господи, помилуй Димитрия», он советовал прибавлять: «И всех остальных Димитриев». Ведь на самом деле чем больше людей мы в свое сердце помещаем, тем наше сердце больше, глубже и сильнее становится.

Дать человеку то, что он хочет

Быть с кем-то друзьями – не то же самое, что иметь товарищей, приятельствовать с кем-то. Когда Господь говорит, что *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя* (Ин. 15: 13), Он совершенно четко определяет, в чем выражается дружба. Друг – это тот, за кого ты готов если не умереть, то, по крайней мере, чем-то очень важным пожертвовать. В идеале же, конечно, и жизнь отдать. А иначе это приятельские отношения – вы просто с человеком общаетесь, и вам это взаимно приятно. Или вы товарищи – «по партии», по роду деятельности, по интересам. Или вы можете быть партнерами, которые объединились для взаимовыгодных целей. Сегодня и супругов в браке порой называют партнерами, но уподоблять отношения внутрисемейные деловым – не что иное, как безумие. То есть значение слова «дружба» очень конкретно, и если в сознании человека оно размыто, ему очень трудно бывает разобраться со своим одиночеством.

Жизнь человека без подлинной дружбы не может быть полноценной, нормальной, идет ли речь о детстве, юности, зрелости или старости. Разница внутреннего устройства людей здесь может проявляться, на мой взгляд, только в том, что у кого-то будет за всю жизнь один-два друга, а у кого-то значительно больше. Но и близкие друзья, которые друг друга любят, нередко переживают разочарования. Человеку, не знающему Бога, трудно бывает объяснить, что при всей нашей любви к друзьям нельзя ожидать от них того, что может дать только один Господь. Большинству из нас хочется порой, чтобы нас не просто любили, а заботились бы, как о детях, носили на руках. Но даже такой самоотверженный друг не сможет стать для нас тем, кем является мать для младенца. А тем более Тем, Кто, по слову Писания, заботится о нас несравненно больше, чем мать (см.: Не. 49: 15). И чем большей близости и заботы ожидает человек от друзей, тем больнее ему будет видеть их неспособность к такому подвигу, тем острее будет он чувствовать себя одиноким.

Если человек не смог нам помочь, не явился вовремя, чтобы нас утешить, не нашел в себе сил, чтобы нас в чем-то понять и принять, это не означает, что он нас предал. Ему самому могло быть трудно в этот момент, он сам мог нуждаться в помощи, мучиться какими-то своими проблемами и страстями. Мера дружбы – человеческая мера, и если мы будем это понимать, это убережет нас от многих разочарований.

Вообще, удивительная вещь: чем смиреннее человек, тем менее он бывает одинок. Ведь большинство людей страдает от того, что их, по их мнению, любят недостаточно. Можно пытаться заставить людей полюбить себя, что на самом деле совершенно неосуществимо. А можно понять, что другие люди точно так же ищут любви, и решиться дать эту любовь им. Вокруг человека, добивающегося, чтобы его любили, может возникнуть круг людей, которые его боятся, ему льстят, с ним мучаются, но круга любящих не возникнет. Сам Господь наш, смиренный и кроткий, не заставляет людей любить Себя, и если человек говорит: «А я заставлю», – это та самая гордость, которой, по слову апостольскому, *Бог противится* (Иак. 4: 6). А смиренный человек, которому Бог, по тому же слову, *дает благодать*, даже если его не любят так, как он хотел бы, от этого не страдает, потому что понимает свое несовершенство и не пытается насильствовать чужую волю, а сам по мере сил старается стать любящим. А что из этого получается, являет нам Христос: Он ни в ком не ищет любви к Себе, ни от кого ее не требует, Он любит Сам – и люди откликаются на Его любовь своей любовью. Так же и человеку, который решается этим путем за Христом последовать, встречается зачастую не один, не два, а гораздо больше людей, которые на его любовь откликаются и становятся близкими.

Решившись любить, стать любящим, важно не забывать: наша любовь к человеку заключается в том, чтобы сделать для него не то, что мы хотим, а что хочет он. И если этот человек не хочет нашего присутствия в своей жизни, наша любовь к нему должна выразиться в том, что мы

его оставляем в покое и не навязываем себя ни под каким предлогом. В христианском мировоззрении нет понятия «бомбардировка любовью», которое есть в некоторых сектах. Христианин – это человек, который старается другого человека не захватить, не «победить любовью», а понять и адекватно ответить на его потребности.

Иногда приходит человек и говорит: «Я пытаюсь потребности другого человека слышать, пытаюсь быть нужным, подстраиваюсь-подстраиваюсь, а никак не получается». Но кто сказал, что нужно подстраиваться? Когда человек подстраивается, он делает что-то ему несвойственное, искусственное, а дружба и любовь ничего искусственного от человека не требуют. Если мы видим в себе какие-то недостатки или страсти, мешающие нам общаться с людьми, то с ними нужно бороться – но не затем, чтобы подстроиться под кого-то, а чтобы быть с Богом. И под Бога мы тоже не подстраиваемся – мы реально хотим измениться к лучшему ради Того, Кто нас любит. И только когда мы по-настоящему меняемся, а не просто подкручиваем в себе какие-то настройки, мы становимся к Нему ближе, уподобляемся Ему.

Конечно, если речь идет о супруге, о других близких и родных людях, порой бывает нужно уступить. Ты куда-то идешь в выходные, куда сам не хочешь, а хочет другой – идешь ради него. Он на чем-то в быту настаивает – и ты не споришь, а делаешь это ради него, чтобы он не расстраивался. Но это – люди близкие, с которыми у нас есть что-то общее и очень для обоих важное, которые нас понимают. Близкий и любящий человек не будет принимать бесконечные односторонние уступки – он что-то постарается дать в ответ. А если мы постоянно делаем то, что хочет другой, и только на этих условиях наши отношения продолжаются, то это не дружба и тем более не отношения будущих супругов.

С человеком, с которым мы только начинаем сближаться, не надо делать вид, что мы постоянно хотим того же, чего и он, если на самом деле это не так. Он сделает из этого ложные выводы, а потом все равно станет ясно, что вы очень разные люди, а может быть, даже и чуждые друг другу. Мы можем сделать для этого человека то, что он хочет, раз, другой, третий, мы можем его любить христианской любовью, как любим многих других людей, но друзьями мы можем назвать лишь тех, с кем нас действительно что-то сроднило. А вступить в брак можем только с одним человеком за всю свою жизнь – настолько нам близким, настолько с нами единымдушным, что и в нашей любви к нему, и в его любви к нам не будет никаких сомнений.

Впрочем, даже при вполне взаимных отношениях бывают моменты непонимания, связанные, например, с тем, что человек не ощутил, какая потребность в этот момент для другого более важна. Помню из нашей семейной жизни уже очень давний такой эпизод: бабушка лежит тяжело больной, а мама в комнате моет полы. И он ей говорит: «Ты сядь, посиди со мной». Она отвечает: «Ну как же я сяду, и ты тут с грязным полом лежать будешь?» А он опять ее просит: «Посиди со мной, мне не важно, какой у нас пол, мне важно, чтобы ты со мной побыла». И конечно, в подобной ситуации нужно оставить свое и дать человеку то, чего он хочет в этот момент. То же самое касается, к примеру, подарков: сын хотел велосипед, а отец дарит ему радиоуправляемый вертолет, потому что ему тоже интересно его запустить. Или жена на 23 февраля дарит мужу соковыжималку...

Итак, в чем же причины одиночества? Практически всегда – или в требовании от других чего-то, чего они не готовы им дать; или, наоборот, в навязывании того, что им не нужно, или же в какой-то внутренней лжи. Если человек от этих внутренних установок – требования, навязывания, искусственности – избавляется, то и его отношения с окружающими начинают меняться.

«А я хотел, чтобы они со мной играли...»

Среди окружающих нас людей встречаются и совершенно психологически нормальные, и имеющие некоторые психологические проблемы, и те, у кого эти проблемы уже практически граничат с душевной болезнью. И безусловно, строить взаимоотношения с ними нужно по-разному. И человеку, переживающему одиночество, тоже важно постараться увидеть, нет ли у него самого проблем в поведении, которые людей отталкивают. Это вполне достижимо, когда у человека есть привычка к анализу прожитого дня, крайне необходимая христианину и для подготовки к исповеди, и просто чтобы куда-то в своей жизни двигаться, а не плыть по течению в неизвестном – а точнее, в печально известном – направлении.

Но гораздо чаще человеку кажется: с ним-то «все так», это у окружающих явные душевные изъяны. Как-то в течение многих лет мне доводилось наблюдать одну мою знакомую. Есть у нее такая особенность: куда ни придет, ее везде поначалу принимают очень хорошо – человек она живой, обаятельный. Все с радостью начинают с ней общаться. Но проходит какое-то время – и общаться с ней перестают. Хотя никому она зла не делает, и на первый взгляд это даже необъяснимо. Она сама понимает это однозначно: люди не умеют любить, и я никому не нужна. Но я ее уже давно знаю, и понял, что здесь у нее каждый раз происходит одно и то же. Когда она появляется где-то впервые, ей очень хочется всем понравиться, и в этом своем желании она буквально превосходит саму себя. А потом... Потом становится такой, какая она есть. То у нее нет настроения, то она всецело поглощена своими делами – и тут уже совершенно не замечает людей. Приходя, ни с кем не здоровается, люди ей навстречу улыбаются, а она проходит мимо. И окружающие, уважая ее выбор, просто перестают искать с ней общения. А она считает, что это они не хотят общаться. И идет искать других людей, потому что эти какие-то «не те». И все повторяется. Так человек проживает всю жизнь.

Или еще – из телефонного общения. «Батюшка, я что-то не так сделала?» Читаю это неожиданное смс и просто не понимаю, в чем дело. Следом: «Простите меня, я Вас очень прошу, простите!» Через несколько минут: «Я подумала и поняла, батюшка, что я это заслужила». Чуть позже: «Я исправлюсь».

Я понимаю, что Вы не хотите мне отвечать, но все же...» А я, конечно, не только не обижался, но никак и в толк взять не могу, с чего человек все это пишет. Мой рабочий день нередко занимает 12–14 часов – это и послушание настоятеля храма, и руководство епархиальным информационно-издательским отделом, и деятельность военно-патриотического клуба «Патриот», и общение с людьми, которые к священнику приходят... Все, с кем мы работаем, об этом знают. И если я даже и к вечеру не смог ответить на звонок, поскольку ни минуты свободной, ни сил не было, большинство это воспринимает с пониманием. Но кто-то готов звонить пять раз, десять раз, пока я не брошу все свои дела, чтобы поговорить. А кто-то умудряется написать десять-пятнадцать сообщений, которые мне приходится читать за рулем, поскольку они без конца звенят, и из которых я понимаю, что ничего срочного у человека нет, но он, пока я не мог ответить, уже успел обидеться, потом сочинить себе какую-то вину, из-за которой я, по его мнению, с ним не общаюсь, осознать, что он это заслужил, попросить у меня прощения, потом опять обидеться – и продолжает требовать у меня уже на все это ответа. А потом еще в личном разговоре горько сетует, что наши взаимоотношения не сложились, что я не воспринимаю его как внутренне близкого человека. Но с чего близость-то начинается...

Порой очень показательно бывает, как кто-нибудь общается, допустим, с кошкой. Один подзовет ее, погладит, за ухом почешет – и кошка мурлычет уже, примостилась у него на коленях и не уходит.

А другой берет эту несчастную кошку и как-то так начинает ей пытаться сделать приятно, что она от него бежит. И вроде бы никак он не злодействовал – за хвост не тянул, в глаз не

тыкал. Но неумение вызвать положительный отклик при общении даже на таком уровне называется. И это уже, безусловно, болезнь души. И у детей некоторых душа бывает уже таким образом повреждена – ребенок, желая привлечь к себе внимание, делает другому такое, что тот только плачет и убегает. Я видел как-то мальчика, который самосвалом ударил сверстника по голове – так, что нанес травму. Его спрашивают: «Ты зачем мальчику голову разбил? Что он тебе сделал?» – «А я хотел, чтобы они со мной играли...»

Или вот юноша хочет познакомиться с девушкой, но избирает способ не то что неподходящий, а прямо оскорбительный. В школе он, чтобы привлечь внимание девочки, дергал ее за косу или давал пинка, так что она в сугроб летела. И теперь он другого способа не знает, делает, по сути, то же, разве что без пинков. Делает ей непристойное предложение, например. Он что, плохо к ней относится? Нет, это просто единственный шаг к общению, который ему приходит в голову.

Или бывает, что человек как какую-то мантру повторяет во всех разговорах: «Я одинок, я одинок, одинок...» Это тоже явный признак духовной болезни. Как правило, этот человек на самом деле хочет быть одиноким. Ему нравится от этого страдать, нравится себя и других этим мучить. Он какое-то ненормальное наслаждение находит в том, чтобы других в своем одиночестве убеждать и упрекать. И конечно, не стоит становиться участником этой игры. А суть такого состояния – патологический замкнутый круг гордости. Она всегда присутствует, когда человек что-то всему миру упорно доказывает. И результат этого доказывания, как правило, противоположный.

Очень важно время от времени себя спрашивать: «А мне самому было бы хорошо, если бы рядом со мной был такой человек, как я?» И помнить: на самом деле люди всегда ищут тех, с кем хорошо. Тех, от кого могут почерпнуть утешение, радость, помощь. Если ты становишься таким, то и люди придут, и будут рядом. Обязательно.

Одиночество в семье

Брак не с Небес

Тему одиночества в семье, наверное, надо начать с того, что нередко семьи сегодня складываются совершенно случайным образом. Поговорка, гласящая, что браки заключаются на Небесах, с духовной точки зрения ошибочна – браки заключают люди, и заключают порой и неразумно, и безответственно. Неразумно – значит, друг друга по-настоящему не узнав, не поняв, вместе с тем не поняв и самих себя и в себе не разобравшись. И порой рядом живут два человека, у которых на поверку – практически ничего общего. Они могут впоследствии оба прийти в Церковь, или, может, кто-то один из них, но это ничего не изменит в ощущении одиночества в семье, если они глубоко не изменятся сами и не двинутся навстречу друг другу.

Когда в браке оказываются два чужих человека, совершенно разных, то с годами они, конечно, могут сблизиться, но, скорее всего, будут все больше друг от друга отдаляться. И я не могу сказать, что нужно всегда пытаться сохранять такую семью – бывает, что ни к чему хорошему это все равно не приводит. Несмотря на общий кров, общих детей, общие хлопоты и заботы, с чужим человеком очень трудно жить рядом. Трудно делить одно пространство: один тянет в свою сторону, другой – в свою, а когда подрастает ребенок, он в третью сторону начинает тянуть. И это состояние «лебедь, рак и щука» изматывает всех: люди друг от друга очень сильно устают, все раздражены, все друг другу в тягость, и, естественно, одиночество здесь расцветает самым пышным цветом. Такие люди, говоря со священником, каждый раз жалуются на это одиночество, плачут от него, ищут выхода, но не находят.

Почему, даже придя к Богу, начав жить церковной жизнью, человек зачастую несколько не избавляется от этих проблем? Ведь с принятием христианства должно меняться отношение человека к людям, к самому себе, должна развиваться способность понимать по крайней мере своего супруга. Но всегда ли, переступив порог храма, человек становится христианином в подлинном смысле? Апостол Павел заповедует самих себя испытывать, исследовать в вере – действительно ли мы верим (см.: 2 Кор. 13: 5). Мы знаем из Евангелия, что вера двигает горами (см.: Мф. 17: 20). И прежде всего, под ними подразумеваются горы человеческих сердец. Конечно же и наше собственное сердце представляет собой огромную гору – гордыни, самости, самолюбия, и если наша вера эту гору двигает, значит, это действительно вера. Но в реальности зачастую видим совсем другое.

Есть ситуации прямо патологические. Например, человек, начавший посещать храм, жить церковной жизнью, советуется со священником – говорить ли об этом «второй половине». Бывает, что люди живут в браке пять, десять, пятнадцать лет и не знают, как их супруг относится к Церкви. Или, наоборот, знают, но именно поэтому, начитавшись про «искушения от домашних», решают, что лучше и не говорить об этом, и что это оправданно.

В такой ситуации нужно вернуться к некой исходной точке: а что вообще предполагает, чего требует существование семьи? На этот вопрос можно ответить двумя емкими словами: общую жизнь. Если этой общей жизни нет, то, по сути, и невозможно говорить о семье, она не состоялась. И тогда вопрос «говорить ли мужу, что я была сегодня не у подруги, а в храме?» уже не важен на фоне всего остального. А если общая жизнь, внутреннее единство хоть в какой-то степени есть, то и вопрос такой не встает, ибо совершенно естественно, что люди в семье должны друг о друге все знать. Не «агентурные данные» – кто куда пошел, с кем встретился, о чем говорил. Это как раз не обязательно. Знать – означает разделять друг с другом все важное. Если люди живут действительно вместе, им даже в мелочах не придет в голову отделяться: ты купил что-то вкусное – и этим делишься, тебе посоветовали фильм интересный – и ты

приглашаешь другого его посмотреть. А уж то, что имеет отношение ко всей нашей жизни – и временной, и вечной, тем более невозможно держать при себе.

Как-то говорили с одним человеком об этом, и он воскликнул: «Батюшка, но вы говорите сейчас об идеальной семье!» Нет, я говорю о неидеальной семье. Семей, в которых нет супружеских проблем, очень мало, но и семей, где муж и жена совершенно чужие, – думаю, вряд ли таких большинство. Мне все-таки немало встречается супругов, которые при всех имеющихся трудностях относятся друг к другу как к родным и близким, переживают друг за друга, помогают друг другу. В них присутствует самое главное – то, ради чего семья живет и ради чего ее нужно сохранять. Но и в таких семьях человек, пришедший к вере, может быть временами одинок. Об этом и хотелось бы поговорить дальше.

Перерасти себя – перерасти боль

Даже в семье, где люди достаточно близки, один из супругов, придя к вере, может не найти понимания супруга. Или даже они могут прийти в Церковь вместе, но по-разному будут веру воспринимать: один будет связывать ее с обретением какого-то внешнего благополучия, а другой захочет отдать Богу свое сердце. Собственно говоря, когда мы в Священном Писании читаем, что во времена антихриста *будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется* (Лк. 17: 34), – это ведь именно о семьях.

Но и в семьях, где оба супруга верующие – вместе ходят в храм, исповедуются, ездят в паломничества, читают духовную литературу, – тоже может существовать проблема внутреннего одиночества. Случается, что женятся и замуж выходят по принципу «главное, чтобы был верующий», не задумываясь, что посещение храма, чтение святых отцов и тому подобное хоть и являются признаками наличия религиозной жизни у человека, но еще не раскрывают всего происходящего в его душе. Действительно ли этот человек приближается к Богу или стоит на одном месте, а может, и удаляется? Мы не можем этого понять просто из того, что человек регулярно посещает службы, соблюдает посты и цитирует в разговоре святоотеческую литературу. Тем более это не гарантия того, что он будет хорошим мужем и отцом (или она – женой и матерью). Если же человек действительно Бога любит и к Богу стремится, то он и окружающих с любовью принимает в свое сердце, насколько это в принципе возможно. Узнавая потенциального супруга или супругу, на это и нужно обратить большее внимание, чем на внешнюю воцерковленность.

Но бывает и другое: человек, став верующим и церковным, решает, что общение с неверующим супругом или супругой лишено смысла. Более того, сегодня есть духовники, которые без всякого сомнения советуют: «Раз он неверующий, разводишься и ищи верующего». Это не редкость, это достаточно типичный совет, хотя он явно противоречит словам апостола Павла: *если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его* (1 Кор. 7: 12–13).

Я знаю немало супружеских пар, которые вследствие такого рода благословений действительно расставались – и у обоих супругов от этого совершенно ломалась жизнь, потому что сам-то их брак был не случайным, он не был ошибкой в жизни этих людей. Ошибкой было то, что человек, встретив Христа, Который является самым главным Учителем любви, вдруг потерял способность любить. Он и раньше наверняка видел какие-то недостатки своего супруга, но любви это не убивало. А принцип «он должен быть верующим, как и я» завладел его душой настолько, что он решил эту любовь в себе убить. Нужно исходить не из принципа, нужно исходить из любви. Из любви, которая есть, и из долга любви христианской, которая должна быть.

Каждый из нас должен стараться приобрести своих близких для той жизни, которая нам открылась. Но не посредством ультиматумов – «если ты не со мной, то дальше я без тебя», не посредством насилия над личностью – только посредством терпения, принятия этого человека и любви к нему. И, наверное, выход из одиночества здесь в том, чтобы понять: хотя и не принимает твоей веры любимый человек, но ты не одинок, ты в данном случае находишься рядом с Богом. И твои отношения с супругом – уже не только твое личное дело, но твое общее дело с Богом. Господь никому не желает гибели, Он хочет, чтобы все люди спаслись и пришли в разум истины. И естественно, что в отношении близкого тебе человека у Бога такое же желание, как у тебя, и такова Его благая воля. А значит, ты должен над этим трудиться вместе с Богом и через это свое одиночество преодолевать. И учиться воспринимать это не как трагедию, но как трудность, как часть того креста, который каждый христианин в земной жизни несет.

Будем помнить, что одиночество, происходящее от непонимания близких, – это то одиночество, которое испытывал в земной жизни и Сам Господь. Вот Он говорит Своим ученикам, что восходит в Иерусалим, и будет предан в руки грешников, и будет убит, – а они в этот момент начинают спрашивать, кто будет больше в Царствии Его и кто сядет по левую руку, а кто по правую (см.: Мк. 10: 32–44). Они любили Его, но были еще не в состоянии понять многих истин, о которых Он говорил, и неверно толковали Его слова. Что-то подобное происходит в семье, когда наши слова и поступки, основанные на нашей вере, остаются непонятными нашим близким.

В то же время далеко не всегда поступки, исходящие как будто бы из веры, оказываются правильными. Но есть вещи очевидные: к примеру, кто-то причинил зло семье, нанес материальный или моральный ущерб. Для верующего члена этой семьи будет естественно не воздавать злом за зло, не пытаться, например, «задействовать связи», чтобы отомстить обидчику, не злословить его. А родные говорят: «Как так можно? Ты с ума сошел?!» – осуждают, ожесточаются. И из этого одиночества, как часто кажется изнутри, нет никакого исхода.

Но исход есть: и это одиночество, и это непонимание уйдет, когда все мы перейдем туда, где ни одиночества, ни непонимания не будет. Когда Господь говорит Своим ученикам: *в тот день вы не спросите Меня ни о чем* (Ин. 16: 23), Он говорит в том числе и об этом. В той полноте бытия, в той радости бытия уже ничего от одиночества не останется.

Не по инструкциям

В своем воцерковлении человек не должен идти по пути готовых форм, заданных инструкций: вот сейчас я заполняю эту форму, потом перейду на другой жизненный этап и буду заполнять следующую. Вокруг нас – живая, совершенно естественная жизнь. Мы узнали о том, что есть Христос и есть Его слово – Евангелие. Мы начинаем Евангелие читать, и эта книга меняет наше отношение к жизни, и тогда мы начинаем менять ее и меняться сами. Вот это и есть христианство. А Церковь, ее правила, каноны и традиции – это то, что нам помогает измениться и научиться жить со Христом – начать жизнь с Богом уже здесь, на земле. Они и важны, и в то же время второстепенны. Главное – как меняется твоя душа. И нужно понимать, что порою надо предпочесть конкретного живого человека правилу, традиции и даже нормам христианского благочестия.

В одном из патериков описан такой случай: идут монахи по пустыне из своей обители в другую на праздник, а следом идет игумен. В какой-то момент игумен видит лежащего у дороги немощного человека, который просит о помощи. Игумен спрашивает: «А как же, тут недавно проходили монахи, разве они не помогли?» – «Нет, – отвечает тот, – они сказали, что очень торопятся на праздник, им нельзя опоздать на службу». Тогда наместник монастыря взвалил его на спину и потащил на себе. И странное дело: по мере того, как он шел, каждый его шаг становился все легче и легче, и в какой-то момент ноша просто исчезла. Он обернулся в недоумении и увидел, что на дороге стоит Христос. Тогда этот подвижник упал к его ногам со словами: «Господи, помилуй моих учеников за то, что они так с Тобой поступили».

То есть подлинная христианская жизнь – всегда глубокое сочувствие к нуждам ближних. Но очень часто об этом забывают, пытаясь пройти этапы воцерковления как уровни в компьютерной игре. Забывают, в том числе, и в отношении собственной семьи. Почему так происходит? Потому что человек выбирает то, что проще. А проще оказывается формально исполнить положенное по Уставу, чем меняться, чем учиться любить, чем отказываться от своего и давать место чужому.

Человек решается вступить в брак, но не решается при этом другого человека в свою жизнь впустить и в жизнь другого войти – он остается на дистанции. И естественно, что когда супруги не стремятся стать единым целым, им кажется несовершенным, мешающим друг в друге буквально все. А уже под это подгоняется благочестивое обоснование: все это якобы сбивает с пути воцерковления, не дает жить полноценной христианской жизнью. Раньше муж придирался к жене за крошки, не сметенные со стола, а теперь за то, что она в постный день забылась и добавила сливочное масло в картофельное пюре. И если раньше он боролся за чистоту стола, то теперь за соблюдение церковного Устава и чистоту духовную.

Честно говоря, когда речь идет о супружеской жизни, мне не очень нравятся слова «компромисс», «взаимные уступки», потому что если любви нет, то любые уступки напрасны. И все-таки... Если, скажем, супругу не нравится, что верующий супруг постится, нужно постараться сделать свой пост максимально незаметным. И уж конечно, недопустимо «постить» свою нецерковную «вторую половину» практически насильно. Нельзя попрекать человека тем, что он не ходит в храм, что живет «по-мирски». Да и сами мы ради близких можем иногда пропустить воскресную службу и куда-то, допустим, вместе поехать. Можем не превращать дом в иконостас, ограничившись несколькими небольшими иконами. Можем приготовить скоромную пищу во время поста, чтобы день рождения или другой праздник в их глазах не превращать «в поминки». И может быть, даже эту трапезу в какой-то минимальной мере разделить. Многого допустимо ради мира в семье... Но когда от нас требуют, чтобы мы в принципе отказались от церковной жизни и жизни христианской, то это, конечно, недопустимо.

Самые тяжелые ситуации складываются, когда близкий человек – будь то супруга или, например, пожилая мама – пытается противопоставить наше стремление к Церкви и родственный долг, ответственность. Как только взрослые сын или дочь, быть может, уже со своей семьей, собираются в храм – маме плохо, она лежит «с давлением», с обидой отвернувшись к стенке или, наоборот, уговаривая остаться с ней. Оставлять ее в таком состоянии и уходить? Забегать в храм только после работы, тайно, в будни, чтобы она не переживала, что сына или дочь «оболванили попы»? Возмущаться симуляцией? Кстати, человек может и не симулировать: если он привык любой ценой добиваться своего, а тут не получается, то не просто будет изображать гипертонический криз – у него он действительно случится. И здесь для христианина важны мудрость и твердость, чтобы, с одной стороны, не поддаться манипулятору, так как этим мы помогаем ему разрушать себя самого, а с другой стороны, не поступить с близким человеком слишком жестко, как с террористом, захватившим заложника.

Прежде всего, когда нам создают подобные трудности, не нужно ощущать себя зависимым. Ругань, конфликты – это проявления нашей зависимости, слабости. Да, если мы увидим, что человеку действительно очень плохо и надо «скорую помощь» вызвать, посидеть у его постели – мы останемся с ним. Но это не должно стать законом. В какой-то момент мы поймем: все равно надо идти. У священнослужителей есть правило, которое в какой-то степени, по аналогии, можно применить и здесь. Если священник начал служить литургию, произнес начальный возглас и вдруг ему сообщают, что нужно срочно причастить умирающего, а другого священника для этого нет, он должен оставить службу и идти напутствовать человека, отходящего ко Господу. Но если это известие пришло, когда совершается или совершился великий вход, священник уже не может прервать служение – он должен помолиться об умирающем и оставить его на милость Божию, а после службы идти причащать, если тот еще жив. И в жизни нашей тоже есть определенная граница: здесь нужно оставить богослужение и послужить человеку, а здесь нужно предпочесть самое главное дело в нашей жизни. В житейских ситуациях ее труднее определить, чем в описанном случае, но любовь и опыт помогают это сделать.

Усвоив общие принципы жизни в семье, где есть и верующие и неверующие, человек вступает далее на поприще познания и себя, и близких. Ни в коем случае не стоит считать своих домашних досадным препятствием в церковной жизни, а тем более врагами. И тогда Господь подскажет нам, быть может, удивительные и парадоксальные способы совмещения несовместимого. И мы сможем явить неверующим близким свою любовь и сохранить в сердце те лучшие чувства, которые между нами взаимны.

О глубине и скуке

Одна из самых тяжелых проблем, если не сказать трагедий, с которой люди, страдая от одиночества, тоже приходят к священнику, – супружеские измены.

Когда ведешь беседы на эту тему, то зачастую становится понятно: это случилось, прежде всего, не потому, что люди друг друга разлюбили, не потому, что один другому делал что-то плохое, и не потому, что кто-то из них «встретил настоящую любовь». А случилось это потому, что тот, кто изменил, прежде перестал видеть глубину – и в жизни как таковой, и в своем супруге. А может быть, и не видел ее – всегда скользил по поверхности, и какое-то время этой поверхностности хватало, а потом стало не хватать, и человек попытался эту нехватку восполнить в соответствии с представлениями, которые он усвоил, почерпнул в своем окружении.

«Батюшка, понимаете, мы с женой прожили десять лет, и наши отношения себя исчерпали...» Но дело в том, что отношения, если они есть, не могут себя исчерпать – так устроено Богом, чтобы любящие люди познавали друг друга бесконечно и от этого их любовь, даже проходя испытания, становилась крепче. Глубина человеческого сердца бездонна, и бывает очень скорбно, когда оказывается, что близкие человеку люди в нее даже не заглядывали. Можно вступить в брак по глупости, по ошибке и оказаться рядом с совершенно чужим человеком, я об этом уже говорил. Но полюбить другого человека, воспринять его как чудо, вступить в брак по взаимному чувству, а через некоторое время решить, что не осталось больше в этом человеке ничего интересного – катастрофическое заблуждение. В человеческом сердце Сам Бог помещается, а тебе в нем узко, тесно и скучно? Так это твое внутреннее убожество, а не его, твоя собственная внутренняя скудность и теснота. Выйди за ее пределы, пойми, кто ты сам и что такое вообще человек, – и ты перестанешь скучать с тем человеком, который рядом. С одной стороны, любовь открывает новые глубины, но, с другой стороны, именно открытие новых глубин в человеке питает любовь.

Конечно, семейный быт бывает полон неурядиц, и одно дело – открывать для себя глубину другого человека в романтический период отношений, а другое – размышлять об этом, когда изо дня в день повторяется одно и то же: тебе надо на работу собираться, а там кто-то в ванной закрылся! Но если уж мы увидели когда-то этого другого человека как удивительное творение Божие, то нужно понять, что и все дальнейшее развивается по уникальному Божию замыслу. И в этот замысел всматриваться, о раскрытии нам этого замысла молиться – это как раз то, что помогает нам вновь начать видеть глубину.

Допустим, человек говорит, что полюбил другую (или полюбила другого). Всегда нужно разобраться: ты любишь действительно того другого человека или же ты любишь самого себя в этом человеке? Тебе этот человек нужен потому, что ты рядом с ним радуешься, потому что тебе доставляет удовольствие общение с ним, потому что он поддерживает тебя? Если так, то это не любовь – это в лучшем случае нечто отдаленно ее напоминающее. А о любви апостол Павел говорил, что она *не ищет своего* (1 Кор. 13: 50). И это совершенно другое чувство.

Расскажу об одном случае – схематично, как о некой модели. Жена изменила мужу, он об этом узнал. Пара была внешне вполне благополучная, в браке жили уже долго, жену я знал как человека порядочного, совестливого, и оскорбленность мужа можно себе представить. Жена каялась перед Богом, как могла просила прощения у супруга, но он твердил: «Она меня предала, никогда не прощу». Когда я попросил жену рассказать о причинах, почему это все-таки произошло, она ответила: «Я не знаю, на меня напала такая тоска, такое одиночество, такая боль...» Но что в семье, в их отношениях, привело ее в такое состояние, подтолкнуло к такому поступку, она не смогла назвать, и от этого было еще больше жаль ее мужа, который так сильно все это переживал. Мы с ним продолжали общаться, и вдруг случайно в разговоре выяснилось, что когда-то, задолго до этого, он ей изменил сам. Он это считал делом давно минувших дней,

жена об этом не узнала, и он решил, что правильным для сохранения семьи будет об этом просто забыть.

Но дело в том, что измену, прелюбодеяние «просто забыть» и просто скрыть не получится. Есть духовный уровень отношений, и на нем отражается любая неправда. Жена ничего не узнала, но узнала ее душа, и она посреди внешнего благополучия ощутила одиночество, боль, стала мучиться и страдать. И эта боль в конце концов лишила ее сил и толкнула на измену.

Я говорю это к тому, что одиночества и тоски на пустом месте в семье практически не бывает. И если нет к тому видимых причин – значит, скорее всего, есть невидимые. Не нужно от этого отмахиваться, как бывает иногда, нужно, еще раз скажу, всматриваться в глубину друг друга, нужно искать, осваивать ту глубину отношений, которую дает человеческому сердцу жизнь христианская. И конечно, мы очень ошибаемся, когда забываем, что другой человек все чувствует. Да что там человек – собака, которую решили отдать и которая не понимает в человеческих разговорах ни единого слова, начинает тревожиться, заглядывать в глаза хозяевам или, наоборот, куда-то прячется и отказывается от еды. А уж что ощущает человек, когда самый близкий ему лжет, – и подумать страшно.

А между тем сколько случаев, когда человек на исповеди признается, что жене регулярно изменяет, но при этом в семье его все устраивает и уходить он не собирается! Порою это на словах чуть не в добродетель превращается. «Да, я грешен, но я же семью не бросаю, остаюсь мужем, отцом». – «А вы понимаете, что живой человек, с вами под одним кровом находящийся, от этого чувствует пустоту, холод, что это разрушает вашу жизнь?» И опять: «Ну, я понимаю, что это такая моя нехорошая и греховная слабость, но какое отношение это имеет к браку?» И это уже не просто отрицание глубины, это отрицание вообще другого человека. А насколько извращаются здесь понятия, можно увидеть на примере вышеописанной ситуации: когда при этом, в свою очередь, изменяет другой супруг, он оказывается непрощаемым подлецом.

Хотя бывает и еще иначе: «Ну изменит она мне тоже – и что? У нас семья, у нас же дети, в конце концов». Или даже: «А она знает. И не воспринимает как измену – понимает, что у нас семья, дети...»

И это говорят люди, не где-то на улице встреченные, неверующие и не читавшие Евангелия, – это говорят люди, находящиеся в процессе воцерковления. Вот где глубины и дебри!..

А выйти из дебрей бывает порой достаточно просто. Нужно задать себе такой, может быть, на чей-то взгляд, наивный, но недвусмысленно обозначенный в Евангелии вопрос: «А что, если другой поступит со мной так, как я поступаю с ним?» Только отвечать на него нужно честно: «Смогу ли я принять как должное, если он вот так же ранит мои чувства? Может быть, это случится в другой ситуации, может быть, когда я уже и думать забуду об этой проблеме...» Конечно, мы живем в мире, где люди могут рассуждать как угодно, где практически любые воззрения можно принять как норму, но о себе – о том, чего бы он хотел и не хотел для самого себя, – человек обычно рассуждает достаточно трезво. И это как раз то, что может помочь поставить все на свои места.

«Ты меня любишь?»

Говоря об одиночестве в семье, нужно обязательно сказать, что одиночество – буквальное, физическое – бывает человеку в какие-то моменты решительно необходимо. Не важно, есть ли у него близкие люди и насколько он дорожит ими. Не случайно о Господе сказано, что *Он уходил в пустынные места и молился* (Лк. 5: 16). Уходил от многолюдной суеты, от той толпы, которая была постоянно вокруг

Него. Совершенно ясно, что Он не тяготился этими людьми, Он Сам шел к ним, ради них – и ради всех нас – Он и явился на землю. Но вместе с тем Господь Своим примером показывает, что естественно для человека уклоняться на некоторое время от общения – человеку нужно время, чтобы побыть наедине с собой и наедине с Богом. Это даже нельзя назвать временем отдыха, потому что именно так человеку свойственно принимать наиболее важные решения, обдумывать все самое трудное, скорбное в своей жизни. И непонимание окружающими этой потребности в одиночестве бывает очень болезненно.

У митрополита Антония Сурожского есть такой пример. Человек может порой молиться Богу в таком опустошенном, внутренне истощенном состоянии, что даже не способен ощущать своей любви к Нему. Но его слова о любви к Богу будут правдой, потому что эта любовь в его душе есть: пусть он и не может проявить ее сейчас, об этом свидетельствует его жизнь. И то же самое, добавлю, может происходить и в семье. Приходит человек домой усталый, вымотанный, а там любимая жена, любимые дети. Но он не может с ними общаться, единственное его желание – побыть одному. Жена его спрашивает: «Ты меня любишь?» Он говорит: «Да». – «А почему я этого не вижу?» А потому что в нем и физические, и душевные силы истощены – он понимает, что любит, но не в состоянии в данный момент эту любовь проявить, в нем самой жизни чуть-чуть осталось.

Вот отсутствие взаимопонимания в таких ситуациях, по моему опыту общения с людьми, сегодня просто тотально. И чаще всего это касается людей некоторых определенных профессий. Работа в полиции, служба в армии, командировки в горячие точки – словом, все, что связано со стрессом, ненормированным рабочим днем, с перегрузкой впечатлениями, которые в сознание обычного человека не укладываются. Когда человек живет такой жизнью, непонимание близких воспринимается гораздо острее, поскольку его силы постоянно напряжены. А его супруга в это время сидит дома и жалуется кому-то по телефону: «Его опять нет. И чем только он там занимается! Так невозможно жить...» Причем чаще всего это сопряжено с тем, что она живет на те деньги, которые муж домой приносит, потому что любит ее и ощущает ответственность за семью. И при этом ей, конечно, хотелось бы, чтобы ее саму, если в дом, допустим, кто-то начнет ломиться, полиция защитила в любое время дня и ночи и чтобы «скорая» выезжала круглосуточно и приезжала быстро. Но не хочется, чтобы этим занимался ее муж.

Как-то мы говорили с немолодым уже человеком, отдавшим много лет службе в силовых структурах. Они прожили с женой больше двадцати лет, вырастили дочь. И вдруг он мне говорит: «А я однажды решил застрелиться, но не смог нажать на курок». Оказалось, что мысль эта пришла к нему, когда сделалось понятно, что жизнь уперлась в тупик: с женой они давно уже стали чужими людьми, дочку он очень любил, но она выросла, и они жили уже, по сути, разной жизнью. И он вдруг осознал, что его вообще ничего в этой жизни не держит. Но когда пистолет был уже приставлен к виску, он вдруг увидел перед собой лицо командира. «И хочу нажать на курок, а он стоит передо мной, как наяву, – и не могу». А надо сказать, что командир у этого человека был верующий – со своеобразной церковностью, своеобразной христианской жизнью, но, безусловно, христианин, и христианин очень искренний. Каждый раз, попадая в какой-нибудь храм или монастырь, он подавал записки о здравии всех своих сотрудников, заказывал молебны и молился о них сам. И в ситуации, когда ничто уже не могло перевесить в

душе моего собеседника мрак одиночества, эта молитва командира вдруг оказалась на другой чаше весов. И перевесила – чувство ответственности, стыда перед своим командиром этого человека удержало.

К чему я об этом говорю? К тому, что когда человек испытывает одиночество там, где его не должно было быть, Господь непременно посылает людей, которые становятся для него родными и близкими, хотя к тому вроде и нет оснований. И нужно уметь это разглядеть, не отвращаться, когда ты хотел в своей жизни одного, у тебя это не получилось, но тебе взамен дают другое. Если ты способен это другое принять как дар и благодарить Бога, ты уже не будешь так нуждаться в том, чего ты лишился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.